УДК 347.965 https://www.npzhdialog.ru/23-2026

Разграничение квалифицированной юридической помощи адвоката и «теневого» рынка юридических услуг в условиях профессионализации судебного представительства

Кострикова Анна Сергеевна,
магистрант, Вятский государственный университет

Аннотация. В статье исследуется проблема разграничения квалифицированной юридической помощи, оказываемой адвокатом, и услуг «теневого» сегмента рынка юридических услуг. На основе анализа Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и подготовленного Министерством юстиции Российской Федерации в июле 2025 г. проекта федерального закона о профессионализации судебного представительства предложена система критериев такого разграничения. Автор приходит к выводу, что предлагаемая реформа охватывает исключительно судебное представительство и не затрагивает консультационную деятельность, в которой сосредоточена основная часть недобросовестных практик. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: адвокат, квалифицированная юридическая помощь, консультационная деятельность адвоката, судебное представительство, адвокатская монополия, профессионализация.

В ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи [1]. Вместе с тем ни Конституция, ни отраслевое законодательство не раскрывают содержания признака «квалифицированная». Как следствие, критерии, позволяющие отграничить юридическую помощь, отвечающую конституционному стандарту, от любых иных возмездных юридических услуг, до настоящего времени остаются преимущественно доктринальными [18].

Практическое значение этой проблемы резко возросло после того, как 11 июля 2025 г. Министерство юстиции Российской Федерации опубликовало для общественного обсуждения проект федерального закона (ID 01/05/07-25/00158248) [9], предусматривающий введение общего правила о наличии у судебного представителя статуса адвоката с 1 января 2028 г. [10; 11]. По замыслу разработчика такая мера продолжает профессионализацию судебного представительства, начатую в 2018 г. установлением требования о высшем юридическом образовании [3; 4; 5], и должна оградить граждан от мошенников и непрофессиональных юристов. Тем самым вопрос о критериях квалифицированной помощи из теоретического превращается в вопрос о границах допуска к профессии.

Целью настоящей статьи является выработка системы критериев разграничения квалифицированной юридической помощи адвоката и услуг «теневого» сегмента рынка, а также оценка того, в какой мере предлагаемая реформа способна такое разграничение обеспечить.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, в целях защиты прав, свобод и интересов доверителей и обеспечения доступа к правосудию [2]. При этом п. 3 той же статьи прямо исключает из адвокатской деятельности помощь, оказываемую работниками юридических служб организаций, участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, индивидуальными предпринимателями, нотариусами и патентными поверенными.

Легальная конструкция построена, таким образом, не содержательно, а субъектно: квалифицированной признается та помощь, которую оказывает лицо, обладающее статусом. Содержательные признаки законодатель выводит за скобки, а деятельность иных лиц не запрещает — она лишь не относится к адвокатской. Возникает разрыв: конституционная гарантия адресована качеству помощи, а закон опирается на формальный статус ее субъекта.

Конституционный Суд Российской Федерации последовательно признает за законодателем право устанавливать критерии допуска к оказанию юридической помощи. В постановлении от 28 января 1997 г. N 2-П Суд указал, что гарантирование квалифицированного характера помощи предполагает предъявление к ее субъектам определенных профессиональных требований, и такие требования сами по себе не нарушают права на защиту [7]. Одновременно Суд не допускает формального применения этих требований: в постановлении от 16 июля 2020 г. N 37-П признано недопустимым отстранение от участия в арбитражном процессе представителя организации, не имеющего юридического образования, если наряду с ним интересы доверителя в том же деле представляет профессиональный юрист [8].

С учетом изложенного содержательными признаками квалифицированной юридической помощи следует признать: профессиональный допуск, подтвержденный проверкой знаний; подчинение обязательным этическим стандартам; наличие режима профессиональной тайны; специальные инструменты собирания сведений; дисциплинарную ответственность перед профессиональной корпорацией; независимость от органов, ведущих производство по делу. Ни один из этих признаков не может быть заменен

свидетельством о государственной регистрации или дипломом.

Под «теневым» рынком юридических услуг предлагается понимать совокупность отношений по возмездному оказанию юридической помощи, участники которых находятся вне системы профессионального допуска, контроля качества и дисциплинарной ответственности, а нередко и вне налогового учета. Принципиально важно не отождествлять это понятие с рынком юридических услуг вне адвокатуры в целом: последний неоднороден.

В нем отчетливо различимы три слоя. Первый образуют добросовестные юридические фирмы и частнопрактикующие юристы, качество работы которых обеспечивается репутацией и договорной ответственностью; их деятельность легальна и социально полезна. Второй слой — «серый» сегмент: оказание услуг без надлежащего оформления отношений с доверителем, без налогового учета, с размытым предметом договора. Третий, собственно теневой, слой составляют схемы, изначально ориентированные на извлечение платы при заведомой неисполнимости обещанного результата: «раздолжнители» и обещания списания долгов, «возврат средств от мошенников», продажа шаблонных документов под видом индивидуальной правовой позиции, а также деятельность лиц, статус адвоката которых прекращен в дисциплинарном порядке и которые продолжают работу через посредников.

Масштаб проблемы усугубляется кадровым состоянием адвокатуры. По данным, приведенным президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации на XII Всероссийском съезде адвокатов в апреле 2025 г., статус адвоката имели 75 813 юристов, причем впервые зафиксировано снижение общей численности; доля адвокатов моложе тридцати лет сократилась примерно с 17 % в 2023 г. до 6,4 % в 2025 г., а за два года статус был прекращен у 615 адвокатов [14]. Иными словами, корпорация, на которую предполагается возложить все судебное представительство, одновременно сокращается и стареет.

Сопоставление правового положения адвоката и участника теневого сегмента позволяет предложить следующую систему критериев разграничения.

Первый критерий — допуск к деятельности. Адвокат сдает квалификационный экзамен, получает статус, и сведения о нем вносятся в Единый государственный реестр адвокатов; в теневом сегменте допуск отсутствует, а фактическим условием входа выступает только регистрация в качестве ИП или самозанятого либо ее отсутствие. Второй критерий — профессиональные стандарты: адвокат связан Кодексом профессиональной этики адвоката, стандартами ФПА РФ и обязательным повышением квалификации, тогда как в теневом сегменте стандарты не установлены и содержание услуги определяется исключительно договором. Третий критерий — конфиденциальность: адвокатскую помощь защищают режим адвокатской тайны, иммунитет от допроса и ограничения на производство следственных действий, в теневом сегменте действует лишь общий режим конфиденциальности по договору, и сведения не защищены от истребования. Четвертый критерий — инструменты собирания сведений: адвокат вправе направить адвокатский запрос, на который адресат обязан ответить в установленный срок, а участнику теневого сегмента доступны только общедоступные источники и обращения на общих основаниях.

Пятый критерий — ответственность за качество: адвокат подлежит дисциплинарному производству вплоть до прекращения статуса, участник теневого сегмента несет только гражданско-правовую ответственность за неисполнение договора, профессиональная ответственность отсутствует. Шестой критерий — последствия недобросовестности: для адвоката это утрата статуса и права на профессию, для участника теневого сегмента — прекращение регистрации и продолжение деятельности под иным наименованием. Седьмой критерий — отношение к результату: адвокату запрещено обещать доверителю положительный исход дела [6], тогда как в теневом сегменте гарантия результата служит основным приемом привлечения клиентов.

Приведенные критерии показывают, что различие между адвокатом и участником теневого сегмента носит не количественный (уровень знаний), а качественный характер: оно состоит в наличии либо отсутствии внешнего механизма, обеспечивающего надлежащее исполнение обязанностей перед доверителем. Именно поэтому попытки разграничить эти явления через требование к образованию представителя, предпринятые в 2018 г., оказались недостаточными: диплом подтверждает знания, но не создает ни этических обязательств, ни ответственности за их нарушение.

Законопроект вводит общее правило о том, что представлять интересы доверителей в судах вправе только адвокаты, устанавливая переходный период до 1 января 2028 г. Монополия не является абсолютной: за ее пределами остаются производство у мировых судей, дела об административных правонарушениях, представительство близкими родственниками, имеющими юридическое образование, деятельность профсоюзов, штатных работников организаций, арбитражных управляющих и государственных юридических бюро; сохраняется право вести дело лично. Наряду с этим проект предполагает ужесточение порядка сдачи квалификационного экзамена, введение института ассоциированного партнерства в адвокатских бюро, создание компенсационных фондов, добровольное страхование профессиональной ответственности и стандартизацию внешних атрибутов адвокатских образований.

Реакция профессионального сообщества оказалась преимущественно критической [12; 15; 16]. По итогам общественного обсуждения проект собрал многократно больше отрицательных отзывов, чем положительных. Председатель профильного коми-

тета Государственной Думы П. В. Крашенинников заявил о неприемлемости адвокатской монополии в предложенном виде, указав на риски для граждан, бизнеса и государства [13]. В регионах прогнозируется дефицит судебных представителей и рост стоимости услуг [17]. По сообщениям средств массовой информации, к весне 2026 г. продвижение инициативы было приостановлено, при этом само направление профессионализации судебного представительства сохранено в качестве приоритета государственной программы «Юстиция».

Однако главное возражение состоит не в организационных издержках, а в предмете регулирования. Реформа замыкается на судебном представительстве, тогда как консультирование, правовой анализ ситуации доверителя, составление документов, досудебное урегулирование и представительство в органах публичной власти остаются свободными от каких-либо требований. Между тем именно на стадии консультации формируется решение доверителя о способе защиты права, и именно здесь реализуется большинство недобросовестных схем: заведомо бесперспективная услуга продается задолго до того, как спор дойдет до суда, а нередко именно вместо обращения в суд.

Отсюда следует вывод, имеющий значение для оценки всей реформы: «адвокатская монополия» в предложенном виде способна вытеснить недобросовестных участников из зала судебного заседания, но не с рынка юридических услуг. Более того, при сохранении полной свободы консультационной деятельности она создает стимул к перемещению теневого сегмента именно в консультирование — область, где контроль отсутствует полностью, а доказать ненадлежащее качество помощи доверителю значительно сложнее, чем при судебном представительстве, результат которого фиксируется судебным актом.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения.

Во-первых, целесообразно закрепить в Федеральном законе N 63-ФЗ легальное определение квалифицированной юридической помощи через совокупность содержательных признаков (профессиональный допуск, этические стандарты, профессиональная тайна, дисциплинарная ответственность, независимость), а не только через статус субъекта. Это создаст нормативную основу для разграничения, не зависящую от конкретной модели реформы.

Во-вторых, реформа профессионализации не должна ограничиваться судебным представительством. Требования к субъектам оказания возмездной юридической помощи следует распространить и на консультационную деятельность — как минимум в форме публичного реестра лиц, оказывающих такие услуги, и минимальных требований к содержанию договора с доверителем.

В-третьих, необходим прямой законодательный запрет гарантировать доверителю определенный результат рассмотрения дела при предложении юридических услуг, распространяющийся на всех участников рынка, а не только на адвокатов, для которых такой запрет уже установлен Кодексом профессиональной этики адвоката.

В-четвертых, введение любых ограничений допуска должно сопровождаться реальными механизмами перехода практикующих юристов в адвокатуру и решением вопросов налогообложения и доступа к государственным закупкам; в противном случае сокращение числа легальных представителей приведет не к повышению качества помощи, а к расширению того самого теневого сегмента, против которого реформа направлена.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.08.2026).

2. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. N 23. Ст. 2102.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3012.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. N 10. Ст. 1391.

6. Кодекс профессиональной этики адвоката // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. N 2.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.1997 N 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 N 37-П // СПС «КонсультантПлюс».

9. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID 01/05/07-25/00158248). URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 06.08.2026).

10. Минюст опубликовал законопроект об адвокатской монополии на представительство в суде. URL: https://tass.ru/politika/24495253 (дата обращения: 06.08.2026).

11. Минюст разработал проект закона об «адвокатской монополии». URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/07/14/1124056-minyust-razrabotal-proekt-zakona-ob-advokatskoi-monopolii (дата обращения: 06.08.2026).

12. Как адвокатская монополия изменит юррынок. URL: https://pravo.ru/story/259974/ (дата обращения: 06.08.2026).

13. Крашенинников: адвокатская монополия в нынешнем виде неприемлема. URL: https://pravo.ru/news/260637/ (дата обращения: 06.08.2026).

14. В России уменьшилось количество действующих правозащитников. URL: https://www.garant.ru/news/1810456/ (дата обращения: 06.08.2026).

15. Реформа судебного представительства. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/reforma-sudebnogo-predstavitelstva/ (дата обращения: 06.08.2026).

16. Адвокатура под новым контролем. URL: https://alrf.ru/articles/advokatura-pod-novym-kontrolem/ (дата обращения: 06.08.2026).

17. Чем грозит адвокатская монополия регионам? URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/ugrozu_advokatskoy_monopolii_dlya_regionov/ (дата обращения: 06.08.2026).

18. Астапова Е. В. К вопросу о Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи и проблемах ее реализации // Юристъ-Правоведъ. 2018. N 3.

English version

Distinguishing qualified legal assistance of an advocate from the shadow market of legal services under the professionalization of court representation

Kostrikova Anna Sergeevna, master's student, Vyatka State University

Abstract. The article examines the problem of distinguishing qualified legal assistance provided by an advocate from the services of the shadow segment of the legal services market. Based on the analysis of Federal Law No. 63-FZ of 31 May 2002, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the draft federal law on the professionalization of court representation prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation in July 2025, a system of criteria for such differentiation is proposed. The author concludes that the reform covers court representation only and does not affect advisory activities, where the bulk of unfair practices is concentrated. Proposals for improving the legislation are formulated.

Keywords: advocate, qualified legal assistance, advisory activities of an advocate, court representation, advocate monopoly, professionalization.